

Этнотерриториальные конфликты в современном Индокитае

Анна Владимировна Симонёнок,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории ситуационного анализа Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
E-mail: asimonenok@yandex.ru

Николай Дмитриевич Витко,

аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: kolyavitko@gmail.com

В статье предпринята попытка классификации этнотерриториальных споров, существующих в настоящее время в странах Индокитая. На основе данной классификации, в качестве критерия которой выбран характер притязаний, выдвигаемых сторонами, выделено три типа этнотерриториальных коллизий, характерных для региона. К первому относятся конфликты по поводу спорных территорий и демаркации границ между государствами. Такой конфликт, связанный с определением суверенитета приграничной территории, возник между Камбоджей и Таиландом. Второй тип споров, касающийся автономии или независимости территории, на которой проживает определённая этническая группа, фиксируется на Юге Таиланда, где широко распространены сепаратистские настроения. Третий тип этнотерриториальных разногласий представляют конфликты, появившиеся в результате политики дискриминации иноэтнического населения. На территории Индокитая примером такого конфликта может служить проблема с мусульманами-рохинджа.

В ходе анализа выделенных типов этнотерриториальных споров Индокитая сделан вывод, что их длительная неурегулированность во многом связана с тем, что при разрешении имеющихся разногласий власти в основном делали ставку на использование силовых методов. Это приводило лишь к усилению конфронтации, разрастанию этнотерриториальных споров, превращению их в конфликты регионального масштаба.

Национальные правительства не всегда имеют необходимые инструменты для урегулирования конфликтной ситуации. Малоэффективной оказывается и помощь международных организаций в вопросах разрешения этнотерриториальных споров в Индокитае. Вместе с тем существующие в регионах конфликты всё больше становятся предметом беспокойства мирового сообщества. Появившаяся в последнее время тревожная тенденция включения участников этнотерриториальных споров в международное террористическое движение создаёт условия для превращения их в фактор международной нестабильности.

Ключевые слова: Индокитай, Юго-Восточная Азия, этнотерриториальный конфликт, Таиланд, Мьянма, Камбоджа, Преа Вихеа, Пхра Вихан, Паттани, мусульмане-рохинджа, Ракхайн.

Ethno-territorial conflicts in modern Indochina.

Anna Simonenok, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: asimonenok@yandex.ru.

Nikolai Vitko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: kolyavitko@gmail.com.

Ethno-territorial conflicts have always been the accompanying problem of state development and inter-state boundary disputes. This article reviews the history and current state of ethno-territorial conflicts which emerged in the Indochina Peninsula in the XX century. Depending on the nature of ethno-territorial conflicts three types of clashes can be distinguished: disputes around territory or land boundary; claims of an ethnic majority to gain greater autonomy of state within the country or even become independent; conflicts as results of government persecution policy towards a particular ethnic group. Three ethno-territorial conflicts are described and examined in the article. First, Cambodian-Thai border dispute. Originally it was a classical inter-state boundary conflict, but soon it demonstrated clearly ethnic nature and became classical ethno-territorial conflict of the first type. Second, South Thailand insurgency problem, that developed in south frontier provinces of Thailand. Third, problem of Rohingya people in Rakhine State of Myanmar. All three conflicts deal with rather sensitive subjects and create long-time disputes which involve the interests and security of their direct participants and international community as well. Analyzing the history of ethno-territorial conflicts in Indochina, it becomes clear that since government used to rely on force methods only the disputes failed to be solved. Thus searching for the roots of the described problems and trying to develop a compromising way of solving the ethno-territorial conflicts seems logical and vitally significant.

Keywords: Indochina, Southeast Asia, ethno-territorial conflict, Thailand, Myanmar, Cambodia, Preah Vihear, Phra Viharn, Pattani, Rohingya Muslims, Rakhine.

Территориальные конфликты соседствующих этносов, как и проблемы спорных территорий, по-прежнему остаются одним из основных источников социальных противоречий и политической нестабильности в обществе. В той или иной форме они присутствуют на всех континентах и во всех регионах и в большинстве случаев могут быть идентифицированы как этнотерриториальные.

Этнотерриториальные конфликты (ЭТК), происходящие в современном Индокитае, возникли относительно недавно. Своими корнями они уходят в колониальное прошлое и являются следствием постколониального передела границ (рубеж XIX—XX вв.), проведённого в ряде случаев без учёта исторических и этнических факторов. На протяжении долгого времени этнотерриториальные споры носили локальный характер, зачастую не выходя за рамки отдельных административно-территориальных единиц и не оказывая существенного влияния на социальную и политическую стабильность государства в целом. Сегодня же наблюдается процесс выхода ЭТК за пределы границы отдельно взятого государства

и разрастание их до регионального масштаба. Одновременно с этим отмечается чрезвычайная радикализация участников конфликтов, которые в своей борьбе всё чаще прибегают к террористическим методам. В качестве основных причин сложившейся ситуации следует назвать растущее социально-экономическое и политическое неравенство государств и народов Индокитайского полуострова, а также высокий уровень современных технологий манипуляции общественным сознанием (в т.ч. и этническим), провоцирующих рост конфликтности в обществе, усиление сепаратизма и укрепление националистических настроений.

Цель данной статьи — классифицировать этнотерриториальные конфликты, фиксируемые сегодня в странах Индокитайского полуострова, и на основе анализа динамики их развития определить перспективы урегулирования имеющихся споров.

Этнотерриториальными в привычном понимании этого слова называются споры, ведущиеся от имени этнических групп относительно их прав проживания на той или иной территории, владения или управления ею. Строго говоря, территориальные споры, возникающие во взаимоотношениях между суверенными государствами, не являются классическими ЭТК. Логичнее называть их территориальными межгосударственными конфликтами, т.к. в них вовлекаются не этносы, а государства и общности, нередко полиэтнические.

Однако между типичными ЭТК и территориальными межгосударственными спорами существует теснейшая взаимосвязь. В данной работе трансграничные проблемы между суверенными странами и территориальные притязания не имеющих своей государственности этносов рассматриваются вместе. Поскольку государства Индокитая формировались как национальные с выраженной этнической (этнокультурной, этнолингвистической, этнополитической) доминантой, практически любой территориальный межгосударственный конфликт в регионе неизбежно приобретает черты ЭТК.

В отечественной и зарубежной историографии разработано множество классификаций и типологий конфликтов по разным критериям и на различных основаниях. Применительно к ЭТК в данной статье будет использоваться классификация по предмету территориального спора (характеру притязаний), согласно которой этнотерриториальные конфликты разделяются на три большие группы [3, с. 7].

Первую составляют конфликты по поводу «спорных» территорий, изменений исторически сложившихся границ. В современном Индокитае самым острым на данный момент конфликтом такого рода является приграничный спор между Камбоджей и Таиландом, развернувшийся вокруг храма Преа Вихеа и прилегающей к нему территории. Возникнув как классический территориальный межгосударственный спор, данный конфликт ещё на начальном этапе своего развития приобрёл этнический характер. Особые черты этой коллизии придаёт тот факт, что предметом спора выступает не только территория, но и расположенное на ней культовое сооружение.

Другая разновидность ЭТК — споры относительно административного статуса той или иной территории, связанные с выдвигаемыми от имени этнической группы притязаниями на создание независимых государств, автономий и иных национально-территориальных образований. О желании создать (вернее, воссоздать) своё национально-территориальное образование заявляют жители южных провинций Таиланда, территории которых некогда составляли единое государство — Султанат Паттани.

Особую группу этнотерриториальных конфликтов представляют ЭТК, порождаемые требованиями или политикой «выдавливания» иноэтнического населения с той или иной территории. В Индокитае в положении «гонимой нации» сейчас находятся мусульмане-рохинджа, компактно проживающие на северо-западе Мьянмы. Их «выдавливание» происходит как в прямой (депортация, экстремистские акции населения против «инородцев»), так и в косвенной форме (ограничение возможностей проживания на территории Мьянмы, создание правовых и политических условий, стимулирующих эмиграцию, создание преференций титульной нации).

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР МЕЖДУ КАМБОДЖЕЙ И ТАИЛАНДОМ

Территориальный спор между Камбоджей и Таиландом принято ассоциировать с храмом Преа Вихеа¹, находящимся на границе двух стран. Однако в действительности притязания сторон не ограничиваются лишь культовым сооружением, конфликт развивается и после определения камбоджийского суверенитета над храмом. Объектом межгосударственного спора является территория, расположенная рядом с комплексом общей площадью 4,6 кв. км, включающая гору Преа Вихеа (на которой расположен храм), соседнюю гору Пхном Трап и прилегающие к ним долины.

Открытая конфронтация Камбоджи и Таиланда по вопросу принадлежности оспариваемого района началась в середине XX в., однако своими корнями этот территориальный спор уходит в конфликт Франции и Сиам² конца XIX — начала XX в. В 1904 г. между Сиамом и Французским Индокитаем был заключён мирный договор, по которому Сиам уступал часть своей территории. Миссия по фактическому разграничению земель была возложена на специальную комиссию, чьей задачей являлась

¹ Преа Вихеа — кхмерское название храма, на тайском языке звучащее как Пхра Вихан. Далее в статье храм будет указываться в соответствии с его кхмерским названием, чему есть две причины: историческая и геополитическая. Во-первых, храм был построен именно кхмерами ещё в период Ангорской империи и долгое время являлся кхмерским религиозным сооружением. Своё тайское имя он приобрёл в XIV—XV вв., после войны между Кхмерской империей и Аютией, когда значительная часть кхмерских земель (в т.ч. и храмовый комплекс Преа Вихеа) перешла во владение тайцев. Во-вторых, в настоящее время, в соответствии с решением Международного суда, храм находится под суверенитетом Камбоджи, в связи с чем будет правильным употреблять его историческое, кхмерское, название.

² Название Таиланда до 1939 г.

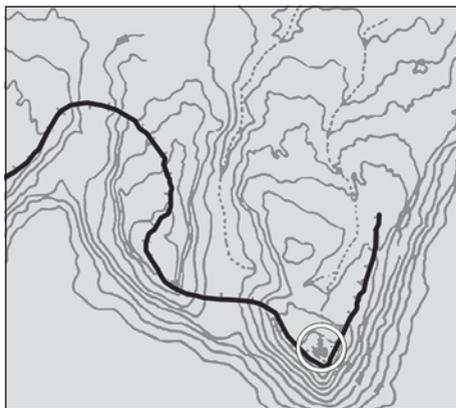
разработка карт с новыми границами. В 1907 г. новые карты были представлены и закреплены в приложении договора 1904 г.

Однако соглашение 1904 г. и карты 1907 г. оказались противоречащими друг другу. Согласно договору 1904 г. государственная граница проходила по водоразделу приграничного горного хребта Дангрэк [13, с. 3], в соответствии с чем храм Преа Вихеа и прилегающая к нему территория должны были отойти Сиаму (рис. 1). А на картах, представленных французской стороной в 1907 г., сам храм и прилегающая территория перешли во владение Камбоджи (рис. 2) [11, с. 1]. Именно эти несоответствия в соглашении между Сиамом и Францией стали первоисточником территориального спора.

Первое обострение конфликта произошло в середине 1950-х гг. и было связано с агрессивной политикой Таиланда в приграничном вопросе по отношению к своему восточному соседу. После того как Франция покинула регион, Таиланд решил заполнить сложившийся «вакуум силы» и в 1954 г., объявив о своих территориальных притязаниях, ввёл на территорию храма войска.

На начальном этапе (1954—1963 гг.) стороны вели активные дискуссии о признании суверенитета над приграничными территориями. Сначала Камбоджа пыталась урегулировать сложившуюся ситуацию в двустороннем порядке, однако Таиланд не хотел идти на компромисс и заявлял о тайской принадлежности спорной территории. Камбоджа хотя и не желала уступить своему соседу, но признавала неравенство сил в конфликте, поэтому обратилась за помощью к международному сообществу, подав 6 октября 1959 г. иск в Международный суд ООН.

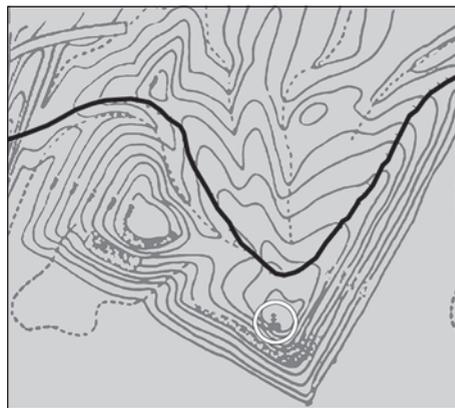
В ходе судебных разбирательств Камбоджа апеллировала к одной из карт 1907 г., представив её как «Приложение 1» (под таким названием

— Примерная граница по водоразделу в соответствии с договором 1904 г.

○ Храм Преа Вихеа

Рис. 1. Государственная граница в соответствии с Франко-сиамским договором 1904 г.

— Граница в соответствии с картами 1907 г.

○ Храм Преа Вихеа

Рис. 2. Государственная граница в соответствии с картами 1907 г.

она фигурирует и в других документах). Таиланд же, со своей стороны, не признавал легитимность данной карты в вопросах разграничения границ и настаивал на франко-сиамских договорённостях 1904 г. Более весомым аргументом для суда стала всё же представленная Камбоджей карта, т.к., будучи приложением к договору 1904 г., она уточняла его условия. 15 июня 1962 г. Международный суд принял решение в пользу Камбоджи, заключил, что «храм Преа Вихеа расположен на территории находящейся под суверенитетом Камбоджи», постановил вывести тайские вооружённые силы «с территории, храма и его окрестностей» [11, с. 2].

Камбоджийские власти рассматривали это решение как победу и официальное признание своей правоты в приграничном споре. Однако, подав иск на «определение принадлежности храма Преа Вихеа», Камбоджа, сама того не подозревая, исказила суть своих территориальных притязаний. В соответствии с главным аргументом (картой «Приложение 1») камбоджийская сторона могла претендовать на всю спорную территорию, на которой находится в т.ч. и указанный храм. Но для привлечения большего внимания к проблеме объектом притязаний был выбран именно храм Преа Вихеа, который являет собой историческое культовое сооружение, имеющее символическое и сакральное значение для кхмеров. Поставив точку в щепетильном вопросе о принадлежности этого священного места, Международный суд не разрешил сам конфликт в части проведения границы между государствами: принадлежность приграничной территории (площадью 4,6 кв. км) так и не была определена. К тому же суд оставил без комментариев словосочетание «окрестности храма на камбоджийской территории», не определив, откуда конкретно должны быть выведены тайские силы, что породило новые споры и разногласия.

Официальный Бангкок не сразу, но согласился с вердиктом: премьер-министр Таиланда Сарит Танарат в 1962 г. заявил, что принимает позицию Международного суда, но она вызывает у него «глубокую печаль». «Утрачена территория, за которую тайские предки заплатили своими жизнями» [14, с. 8]. Вместе с тем он отметил, что «наступит день, и тайский флаг вновь будет возвышаться над храмом» [5, с. 31].

В июле 1962 г. Совет министров Таиланда принял секретную резолюцию, в которой зафиксировал свою позицию в отношении приграничного спора. К документу была приложена карта с «верными» границами, которые, по мнению Бангкока, должны проходить в соответствии с договорённостями 1904 г., при этом лишь небольшая часть территории, где стоит храм Преа Вихеа, признаётся камбоджийской согласно вердикту, вынесенному Международным судом [6, с. 290].

Таким образом, Таиланд воспользовался лазейкой в решении суда и определил границу по своему усмотрению (рис. 3). Тайские войска получили приказ покинуть только территорию храма, а само культовое сооружение было отгорожено от остальной части спорных территорий забором с колючей проволокой.

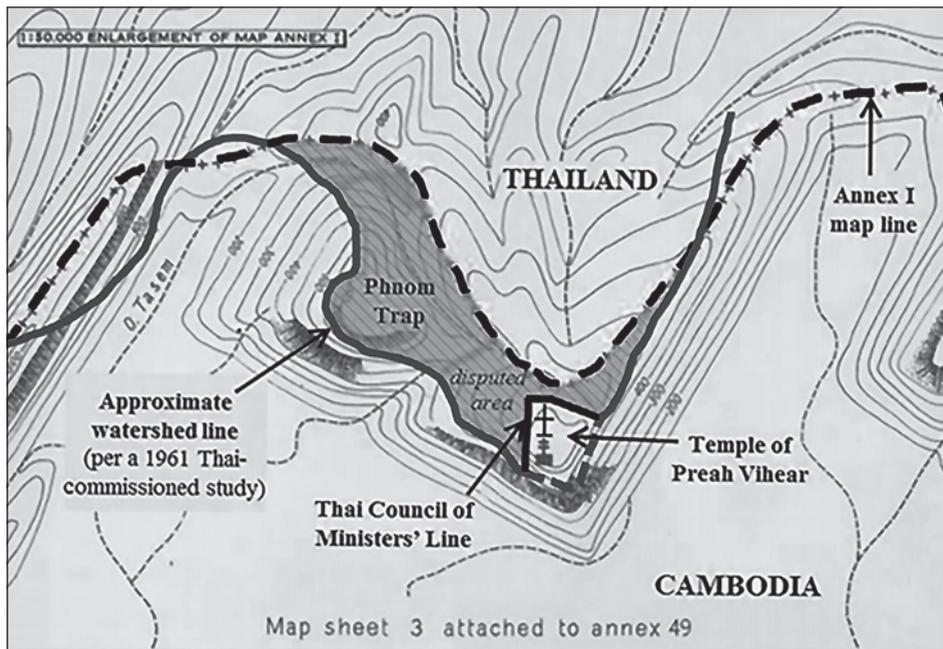

Рис. 3. Спорная территория. Границы 1904, 1907 гг. Граница в соответствии с резолюцией Совета министров Таиланда (1962 г.) [6]

Несколько месяцев спустя Министерство иностранных дел Камбоджи опубликовало резолюцию, в которой было указано на «нарушение Таиландом установленных судом границ, отмеченных в карте 1907 г.» [5, с. 32]. Король Камбоджи Нородом Сианук в своей речи 4 января 1963 г. назвал день фактической передачи храма Камбодже праздником, а действия тайских военных — «экспансией суверенной камбоджийской территории» [5, с. 41].

Стоит отметить, что уже в начальный период межгосударственный территориальный спор приобрёл характер этнотерриториального конфликта. Высказывания официальных лиц обеих стран зачастую носили националистический характер, с особым ударением на слова «тайский» или «кхмерский». Власти Камбоджи и Таиланда в своих заявлениях звали к патриотизму и любви к нации, считали решение территориального спора в свою пользу делом принципа и не рассматривали даже возможности компромисса.

С середины 1960-х до середины 1990-х гг. территориальный спор между Камбоджей и Таиландом был заморожен. Тридцатилетний период «затишья» связан в первую очередь с внутривнутриполитическими кризисами в Камбодже, дестабилизировавшими страну. Несмотря на то, что в упомянутый период ни та, ни другая сторона в своей внешней политике не поднимали данный вопрос, ситуация на границе по-прежнему являлась напряжённой. Таиланд оставался на своих позициях и сохранял полицейское и военное присутствие в приграничье. С камбоджийской стороны также наблюдалось присутствие военных как в приграничных провинциях, так

и в самом храме Преа Вихеа. Но, в отличие от Таиланда, это было следствием сложной внутривосточной борьбы. Приграничные с Таиландом районы рассматривались военными как последний пункт при отступлении, а храм и гора Преа Вихеа, благодаря своим природным и географическим особенностям, не раз использовались в качестве укрепленного форпоста. Так, сдав Пномпень в 1975 г., сторонники Лон Нола укрывались в храме от наступающих сил красных кхмеров. Спустя пару лет уже сторонники Пол Пота нашли убежище на приграничной территории и не покидали её долгое время, пока не были окончательно выбиты из окрестностей храма в 1998 г. [6, с. 291].

С конца 1990-х гг. отношения Камбоджи и Таиланда, касающиеся вопроса спорных территорий, получили новый импульс. В первую очередь это связано с завершением периода политической нестабильности в Камбодже. После нормализации внутривосточной ситуации власти страны направили свои силы на решение внешнеполитических проблем, в т.ч. и на урегулирование приграничного спора. Вопрос приграничного конфликта стал всё чаще обсуждаться на двусторонних встречах различных уровней. В 1997 г. была организована Тайско-камбоджийская совместная комиссия по демаркации наземной границы, в 2000 г. — заключён Меморандум понимания в вопросах размежевания и демаркации наземной границы [10, с. 14]. Однако, несмотря на активный внешнеполитический диалог и явное желание сторон достичь окончательного урегулирования спорного вопроса, ни Камбоджа, ни Таиланд не желали идти на уступки.

Дальнейшему развитию переговорного процесса помешал внутривосточный кризис, разразившийся в Таиланде в 2006 г. Националистический характер, который приобрёл территориальный спор, способствовал тому, что тайские политики стали использовать его в качестве дополнительного «патриотического» аргумента для привлечения электората на свою сторону, чем ещё больше будоражили общество и накаляли атмосферу вокруг приграничного конфликта.

Камбоджийские власти также использовали его в своих политических целях. В 2007 г., за год до всеобщих выборов в стране, правительство Камбоджи подало заявку на внесение храма Преа Вихеа в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Премьер-министр Камбоджи не раз заявлял, что вопрос внесения храма в список Всемирного наследия является одним из важнейших не только для его партии, но и для всей нации [14, с. 9]. Такая риторика значительно подняла рейтинг Народной партии Камбоджи, в итоге выигравшей всеобщие выборы 2008 г. с подавляющим перевесом голосов.

При подаче заявки камбоджийская сторона приложила карту 1907 г. в надежде, что ЮНЕСКО признает спорные территории неотделимыми от храма, тем самым утвердив право Камбоджи на эти земли. Таиланд, в свою очередь, направил собственную версию карты, в которой спорная территория не относится к храму. ЮНЕСКО принял документы обеих сторон, однако ни тот, ни другой не были использованы при принятии решения о внесении храма в список Всемирного наследия.

Вынесение вопроса о храме Преа Вихеа на обсуждение ЮНЕСКО спровоцировало обострение территориального конфликта и создало на тайско-камбоджийской границе дополнительную напряжённость, которая в 2008 г. переросла в прямую военную конфронтацию. После ареста летом 2008 г. камбоджийскими властями в районе храма трёх тайских демонстрантов обе стороны стали наращивать военное присутствие в приграничной зоне [15, с. 32]. С середины июля по октябрь того же года к границе были стянуты тысячи солдат, организованы военные базы, усилены патрули вдоль рубежей и в окрестностях самого храма. С 2008 по 2011 г. в периоды наибольшего обострения ситуации, происходили вооружённые столкновения, в ходе которых несли потери как тайцы, так и камбоджийцы. Наиболее ожесточённые и продолжительные бои происходили в апреле и мае 2011 г. [15, с. 33].

Попытка силового решения проблемы лишь усугубляла противоречия между Таиландом и Камбоджей и обостряла напряжённость в регионе. Осознавая необходимость деэскалации конфликта, 28 апреля 2011 г. Камбоджа направила в Международный суд ООН запрос на толкование решения суда 1962 г. Это вызвало недовольство Таиланда, который расценил запрос Камбоджи как попытку пересмотреть решение суда 1962 г. Суд счёл необходимым созвать повторное заседание по храму Преа Вихеа, настаивая на том, что не будет осуществлять пересмотр решения 1962 г., а лишь более конкретно определит оспариваемые пункты вынесенного вердикта. При этом суд выдвинул свои требования к Таиланду и Камбодже, среди которых был пункт о немедленном выводе войск с территории храма.

После тщательного двухлетнего судебного разбирательства, рассмотрев все доказательства и выслушав заявления обеих сторон, Международный суд постановил, что в соответствии с решением 1962 г. суверенитет Камбоджи распространяется на храм Преа Вихеа и его окрестности, уточнив, что под границами окрестностей понимается вся гора Преа Вихеа. Соседняя гора Пхном Трап по решению суда не относится к храму, тем самым на неё вердикт 1962 г. не распространяется [10, с. 78].

Данное судебное постановление можно назвать компромиссным. Оно помогло снять напряжённость между двумя странами и было положительно встречено как в Таиланде, так и в Камбодже. В соответствии с решениями суда 1962 и 2013 гг. спор вокруг храма Преа Вихеа можно считать окончательно разрешённым, поскольку определена принадлежность культового сооружения и уточнены границы относящейся к нему территории. Однако территориальный спор между Таиландом и Камбоджей решён лишь частично, т.к. остаются земли, суверенитет которых не был определён в ходе судебных разбирательств, а значит, сохраняется вероятность обострения конфронтации.

В последнее время власти обеих стран предпринимают попытки поиска компромиссных решений: на различных уровнях регулярно проводятся двусторонние встречи по разрешению спорного вопроса. С каждым годом

уменьшается число военных в приграничье, между тем напряжённость (хотя и значительно меньшая) на границе Таиланда и Камбоджи сохраняется.

За период развития конфликта стороны несколько раз подходили к точке открытой конфронтации. Наиболее серьёзные обострения отношений отмечались с 1954 по 1962 г. и с 2008 по 2013 г., при этом Бангкок и Пномпень по-разному видели пути выхода из ситуации. Таиланд либо действовал с позиции силы, либо выступал за разрешение вопроса в двустороннем порядке. Камбоджа же всегда обращалась за поддержкой к мировому сообществу. И, хотя при посредничестве Международного суда странам удалось снизить напряжённость вокруг проблемы принадлежности храма Преа Вихеа, конфликтующим сторонам придётся приложить ещё немало усилий для поиска новых подходов и эффективных решений для окончательного урегулирования приграничного вопроса.

ЭНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ НА ЮГЕ ТАИЛАНДА

Этот конфликт уходит своими корнями в период конца XVIII — начала XIX в., когда на обломках колониальных империй в ЮВА вырастали новые независимые государства, а их правители очерчивали границы и перекраивали карту Индокитая, руководствуясь исключительно геополитическими интересами.

Отправной точкой спора условно можно считать Англо-сиамский договор 1909 г., который окончательно зафиксировал южную границу Сиама и включил в его состав в качестве четырёх провинций (Наратхиват, Паттани, Яла, Сатун) бывшие малайские султанаты, расположенные на севере Малаккского полуострова (рис. 4). Таким образом, малайско-му-

Рис. 4. Южные провинции Таиланда

сульманское население, компактно проживающее на этих территориях, не только оказалась оторванным от своей этнической общности, но и попало в чуждую культурную и языковую среду буддийского государства.

Здесь кроется суть конфликта: малайцы, составляющие большинство населения присоединённых южных провинций, в стремлении сохранить свою этническую и религиозную идентичность добиваются отделения от Таиланда и создания самостоятельного исламского государства Паттани. Однако непосредственной причиной сепаратистских настроений выступают не культурно-цивилизационные различия между малайцами-мусульманами и титульной тайской нацией, а жёсткая и недальновидная политика, которую с начала XX в. проводило тайское правительство в отношении национальных меньшинств. Уже тогда период были зафиксированы протесты малайско-мусульманского населения, вызванные отменой шариата и введением тайского гражданского права (1902 г.), законом о начальном образовании, обязывающим детей малайцев-мусульман посещать тайские школы (1921 г.) и др. Волны народного недовольства периодически выливались в анитайские восстания южан (первое в 1910 г.). Во время очередного такого восстания в 1922 г. впервые прозвучали требования создания на малайских землях независимого исламского государства с историческим названием Паттани [8, с. 10; 4, с. 263—264].

Анализ дальнейших событий показывает: чем активнее были попытки центральной власти установить контроль над южными провинциями и таеизировать малайцев, тем ожесточённее становилось сопротивление местного населения. Если для начального этапа конфликта (1900—1920-е гг.) характерны стихийные выступления, то в годы диктаторских военных режимов (1930—1940-е гг.) они переросли в осознанную и организованную борьбу за независимость. Это было реакцией на усиление тайского национализма, который в период военных диктатур приобрёл выраженные шовинистические формы: запрещение малайского языка, закрытие мусульманских школ, запрет на ношение традиционной малайской одежды и празднование исламских праздников.

Накал борьбы несколько спал в первые послевоенные годы (1946—1947), когда под влиянием либеральных и демократических тенденций в тайском обществе власти Таиланда смягчили политику в отношении малайцев Юга. На законодательном уровне это проявилось в принятии ряда постановлений о свободе вероисповедания мусульманского меньшинства, в южных провинциях было разрешено использование исламского права, открылись мусульманские школы. Малайцы в ответ также смягчили требования и стали выступать уже не за полное отделение, а за предоставление автономии южным провинциям.

Однако в 1947 г. пришедшие к власти военные прервали едва начавшийся процесс нормализации отношений между центральной тайской властью и малайским населением Юга. Арест духовного лидера малайских мусульман имама Хаджи Сулонга, лидера группы Народного движения

Паттани (Patani People's Movement), по замыслу военного правительства, должен был на корню пресечь сепаратизм южан, однако вместо этого вызвал массовые акции протеста, которые силы правопорядка жестоко подавляли. За короткий период 1948—1949 гг. в конфликте погибли сотни мирных жителей и тысячи людей покинули страну [11, с. 23]. Оставшиеся укрепились в мысли о невозможности мирного сосуществования с тайской властью и стали ещё решительнее бороться за свою независимость и территориальное отделение.

С конца 1950-х гг. борьба за территориальное отделение переросла в мощное движение, представленное множеством (более 50) вооружённых группировок, действующих на территории южных провинций, а также крупными военизированными организациями сепаратистской направленности. Среди них Национальный фронт освобождения Паттани (BNPP — Barisan Nasional Pembebasan Patani), Национальный революционный фронт (BRN — Borisan Revolusi Nasional), Объединённая организация освобождения Паттани (PULO — Patani United Liberation Organization) и др.

При поддержке крупных исламистских организаций, таких как Арабская лига, Организация освобождения Палестины, Исламская партия Малайзии (PAS), военизированные сепаратистские формирования ведут многолетнюю войну с центральной властью. Основными методами являются террористические акты, которыми они рассчитывают привлечь внимание властей и общества и вынудить Бангкок предоставить южным провинциям полную независимость.

Объективно говоря, у малайцев юга Таиланда есть немало оснований для недовольства тайским правительством. Очевидно их неравноправное участие в общенациональном политическом процессе: малайцы всегда были слабо представлены даже в местных органах власти. Не вполне благополучна экономическая ситуация в провинциях Наратхиват, Паттани, Яла — одних из самых бедных в стране. Доход на душу населения здесь на порядок ниже, чем в столице. Бангкок, в свою очередь, обвиняет малайцев-мусульман в исламском радикализме и в нежелании интегрироваться. Южные провинции действительно остаются слабо интегрированными в социально-экономическую жизнь страны. Кроме того, исламский образ жизни, которого придерживаются малайцы, ограничивает возможности для получения образования, а недостаточный уровень грамотности как раз во многом объясняет отсутствие широкого представительства малайского населения в государственных структурах.

Снижение конфронтации между центральной властью и сепаратистами Юга отмечалось в 1980—1990-е гг. и происходило на фоне общей демократизации общественно-политической жизни Таиланда. Правительство отказалось от силовых методов и начало проводить более гибкий и компромиссный курс в отношении южных провинций. Значительные усилия направлялись на экономическое развитие региона и преодоление его хозяйственной изолированности, была объявлена политическая

амнистия участникам повстанческого движения, проведена модернизация системы образования на основе принятых исламских традиций. В южных провинциях мусульмане стали преобладать в местных органах власти. Впервые их допустили на высшие государственные посты. Результатом действий правительства стало сокращение деятельности военизированных группировок. В 1982—1983 гг. 450 лидеров сепаратистов сдались властям [1, с. 48]. И хотя отдельные столкновения продолжались, в целом ситуация в южных провинциях нормализовалась. Как следствие, требования территориальной самостоятельности стали звучать реже и были уже не столь агрессивными.

Сегодня же наблюдается очередной всплеск насилия и сепаратистских настроений на юге Таиланда. Малайцы с ещё большей решимостью выступают за создание самостоятельного исламского государства Паттани. Среди причин усиления конфронтации всё тот же внутривнутриполитический фактор. Таксин Чиннават, ставший во главе правительства в 2001 г., начал бескомпромиссную борьбу с сепаратизмом, используя в т.ч. и жёсткие методы. Ответная реакция не заставила себя ждать: нападения на военные базы и полицейские участки, взрывы, поджоги. И если в XX в. действия сепаратистов были направлены в основном на представителей государственных структур и буддийской сангхи, то в XXI в. террористические акты стали совершаться уже возле школ и магазинов, что увеличивает число жертв среди мирного населения.

После отстранения Таксина правительство Таиланда начало проводить более гибкий курс в отношении южных провинций, демонстрировало готовность искать компромиссные решения, идти на переговоры, однако это не снизило напряжённости. Наоборот, наблюдается усиление радикальных настроений в среде протестующих. Вместе с тем в последние годы отмечается идеологическая трансформация сепаратистского движения Юга. Сугубо националистические цели возрождения государства Паттани сменились идеей создания исламского халифата Паттани. Националистические лозунги уступили место джихадистским, а методы борьбы стали ещё жёстче и беспощаднее.

Обострение ситуации в южных провинциях Таиланда во многом является следствием влияния внешних факторов, прежде всего глобальных процессов, связанных с разрастанием международного террористического движения (расширение географии, интернационализация, повышение уровня организованности и финансового обеспечения), а также активизацией исламистской пропаганды по всему миру и ростом популярности радикальных исламистских идей в мусульманской среде.

Организационная слаженность, чёткость и эффективность деятельности сепаратистов Юга, а также их неуловимость заставляют сомневаться в том, что это всего лишь следствие превосходной самоорганизации. Однако на сегодняшний день нет и достоверных сведений о том, кто стоит за усилением террористической активности в южных провинциях

Таиланда. В последнее время на роль зарубежного координатора деятельности исламистского подполья в ЮВА стремительно выдвигается группировка «Исламское государство» (ИГ, запрещена в РФ). Однако активисты джихадистских подпольных организаций Юга заявляют, что они не вовлечены в международный джихад, не связаны с ИГ или Аль-Каидой и не нуждаются в них. Тайское правительство также не подтверждает связи сепаратистов с международными террористическими организациями. Между тем среди части малайско-мусульманского населения южных провинций идеи ИГ довольно популярны. Не последнюю роль в этом играет совпадение главных целей исламистов ИГ и сепаратистов Юга: создание халифата, т.е. государства на основе законов шариата. Подтверждением тому может служить широко распространившаяся в сети Интернет карта будущего государства Паттани в границах нескольких приграничных районов Малайзии и Таиланда с наложенным на его территорию флагом «Исламского государства» (рис. 5).

В сложившейся ситуации у Бангкока практически не остаётся рычагов для управления конфликтом. Временами в тайском обществе звучат

Рис. 5. Исламский халифат Паттани. *Источник:* Insurgency in Southern Thailand: What Does ISIL's Black Flag of Pattani Portend? // RSIS.EDU.SG: сайт Школы международных исследований им. С. Рджаратнама. URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/icpvtr/co16078-insurgency-in-southern-thailand-what-does-isils-black-flag-of-pattani-portend/#.WRpjdSlvU-8> (дата обращения: 14.03.2017)

мнения, что процесс принял неуправляемый характер и единственная возможность устранить напряжённость — это предоставить малайским мусульманам независимость. Такой подход категорически отвергается официальными властями. В то же время политическое руководство Таиланда сегодня впервые заговорило о некогда запретной теме создания «специальной административной зоны», что предполагает предоставление большой автономии малайскому населению южных районов страны.

Однако южные провинции сейчас слишком подвержены радикальным настроениям, и получение автономии вряд ли сможет остановить сепаратистское движение (лидеры которого добиваются полной независимости от Таиланда) и снизить террористическую активность на Юге, лишь нараставшую в последние годы (за 10 предшествующих лет вооружённая борьба мусульман южных провинций унесла жизни более 6,5 тыс. чел.). В сложившейся ситуации решение проблемы видится в продолжении курса правительства на устранение экономической и культурной изолированности упомянутых районов. Только дальнейшая модернизация страны, вовлечение малайского населения в процесс межнационального сближения позволят вывести мусульман Юга из-под влияния радикальных исламистских групп и создадут условия для достижения согласия.

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА МУСУЛЬМАН-РОХИНДЖА

В последнее время проблема беженцев рохинджа стала объектом пристального внимания различных общественных и международных организаций. Мировые СМИ пестрят сообщениями о бедственном положении мусульман-рохинджа, притеснениях и гонениях, которым подвергается эта народность (по происхождению этнические бенгальцы), компактно проживающая на северо-западе Мьянмы в штате Ракхайн (бывший Аракан). При этом практически нигде не упоминается о том, что истинная подоплёка данной проблемы напрямую связана с притязаниями рохинджа на территорию проживания (рис. 6).

Прежде всего необходимо отметить, что термин «рохинджа» изначально не имел никакой национальной идентификации и, по сути, является самоназванием. Это слово появилось в лексиконе жителей штата Ракхайн только в 50-х гг. XX в. По некоторым сведениям, так называли новоприбывших мигрантов-бенгальцев, которые массово устремились в Бирму после обретения страной независимости в 1948 г. По другим свидетельствам, «рохинджа» называли мятежников-бенгальцев, добивавшихся самостоятельности на территории Ракхайна. Таким образом, рохинджа — это не этническая, а скорее социально-политическая общность.

Такой же позиции придерживаются официальные власти Мьянмы, которые не признают рохинджа этническим меньшинством. В заявлении

Рис. 6. Штат Ракхайн.

Источник: When the lid blows off // ECONOMIST.COM: журнал The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21574506-sectarian-violence-was-not-supposed-be-part-myanmars-bright-new-direction-when-lid-blows> (дата обращения: 15.03.2017)

Министерства иностранных дел Мьянмы от 26 февраля 1992 г. говорится, что, хотя в стране в настоящее время проживает 135 национальностей, т.н. рохинджа среди них нет и исторически такой национальности в Мьянме никогда не было [2, с. 76]. В свою очередь, мусульмане-рохинджа заявляют: их предки жили на территории штата Аракан с незапамятных времён и являются коренным населением этой земли.

Действительно, приверженцы ислама (в основном бенгальцы) живут в Ракхайне уже давно, однако основная масса нынешних рохинджа переселилась в Аракан из соседней Бенгалии менее 150 лет назад, во времена, когда Бирма входила в состав Британской Индии (1825—1948). Для освоения новых территорий колонизаторам требовались новые рабочие руки, которых не было в достаточном количестве в буддийской Бирме, поэтому англичане поощряли переселение в этот район десятков тысяч мусульман-бенгальцев. В 1940-е гг. численность иммигрировавших на территорию Бирмы мусульман-рохинджа насчитывала уже не одну сотню тысяч человек. Под их напором ракхайнцы — бирманские буддисты, коренные жители этих мест — вынуждены были смещаться на юг и вглубь страны. А рохинджа, численно увеличиваясь, стали строить смелые планы по созданию на бирманской территории своего исламского государства. В 1947 г. под руководством Мусульманской лиги Северного Аракана активисты рохинджа, которые называли себя муджахедами, подняли восстание и отправили в Карачи делегацию с просьбой включить весь Северный Аракан в состав Пакистана.

Их борьба за создание на территории штата Аракан мусульманского государства с последующим присоединением его к Восточному Пакистану (нынешний Бангладеш) продолжилась и после обретения Бирмой

независимости (1948 г.). Объявив джихад, рохинджа начали террор против представителей власти и силовых структур. Только в начале 1950-х гг. бирманская армия смогла навести порядок. В результате серии спецопераций муджахедов загнали в непроходимые джунгли на границе с Восточным Пакистаном, а рохинджа были ограничены проживанием в анклавах. Но при слабо контролируемой границе не иссякал поток мигрантов из перенаселённого, социально нестабильного и криминогенного Бангладеш. В результате численность людей, называвших себя «рохинджа», на территории штата Ракхайн постоянно увеличивалась. Бирманские власти неоднократно предпринимали попытки (впрочем, не особенно эффективные) выдавить их назад (самая масштабная была в 1977—1978 гг.).

Сегодня численность рохинджа на территории Мьянмы, по данным неправительственных организаций, достигла уже 800 тыс. чел. Попытки официального Нейпидо отгородиться от проблемы (не признавать их гражданами, закрывать в анклавы) приводит лишь к усилению напряжённости в обществе. С одной стороны, понятно стремление властей защитить местное население от маргинальных элементов (в Мьянму из Бангладеш нередко перебегают преступники, террористы и радикальные мусульманские проповедники). С другой — политика изоляции и практика «выдавливания» рохинджа из легитимного социально-политического поля уже привели к тому, что в узком анклавном кругу они стали создавать подобие своего государства с хорошо выстроенной иерархией, в которой есть полевые командиры, боевые дружины, неофициальные органы исламского самоуправления с набором репрессивных функций, действующие по нормам шариата и правилам криминального мира. При высокой рождаемости и отсутствии государственных школ, которые для рохинджа не полагаются как для неграждан, дело образования взяли на себя радикальные проповедники. В результате среди рохинджа выросли целые поколения агрессивных полуграмотных людей, воспитанных на экстремистских идеях. Буддисты-ракхайнцы, живущие вблизи их анклавов, постоянно подвергаются террору со стороны боевиков рохинджа. Убийства, пропажи людей, сожжённые дома... Среди коренного буддийского населения Ракхайна жертв этого конфликта не меньше, чем среди мусульман-рохинджа, только о них не пишут мировые СМИ.

Сегодня очевидно усиление террористической активности рохинджа. Их военизированные группировки институализируются. Две из них (Организация солидарности рохинджа и Араканский исламский фронт рохинджа) в 1996 г. объединились в Национальный альянс рохинджа. В 1998 г. на базе этого альянса была создана Национальная организация араканских рохинджа [9]. В последнее время в среде рохинджа выделилась группа лидеров, которая привнесла политическую и религиозную составляющую в проблему и при поддержке международных организаций активно борется за права «гонимой нации», добиваясь изменения статуса и улучшения условий жизни. При этом, как правило, возникает вопрос о территории проживания.

В случае с рохинджа территориальная проблема во многом является следствием проблем экономического и демографического характера. Рохинджа никак не интегрированы в бирманское общество. Они отторгаются буддийским большинством, но и сами не желают интегрироваться, а вместо этого выбирают протестную форму поведения. Семьи рохинджа всегда многодетные, на одну женщину приходится 10—12 детей. Это приводит к тому, что численность жителей каждого населённого пункта через одно поколение в среднем удваивается. К тому же продолжается миграция из Бангладеш. Таким образом, неизбежно встаёт вопрос о расширении зоны расселения рохинджа, что вызывает резко негативную реакцию араканцев. Над коренным буддистским населением штата Ракхайн уже сегодня нависла угроза утраты численного преобладания. А кроме того, в гористом Ракхайне нет свободных территорий для расселения и отсутствуют возможности для трудоустройства.

В последнее время проблема обострилась, т.к. появилась угроза отчуждения территорий, заселённых рохинджа, и даже присоединения их к Бангладеш. 20 марта 2014 г. в газете «Дакка Трибьюн» появилась статья под названием «Референдум в штате Ракхайн?». В ней автор, приводя данные, что в округах Ситуэ (Sittwe) и Маунгдау (Maungdaw) штата Ракхайн выходцы из Южной Азии составляют почти 95% населения, и ссылаясь на прецедент присоединения Крыма к России, предлагает провести референдум по вопросу отделения этих двух округов от Ракхайна и присоединения их к Бангладеш. Статья заканчивается словами: «Бангладеш, как и Россия, не должен оставаться равнодушным к судьбе своих братьев, проживающих по ту сторону границы, которые, как и жители Крыма, должны иметь возможность создать своё независимое государство между Бангладеш и Мьянмой или даже входящее в состав Бангладеш» [7].

Публикация статьи вызвала демонстрации протеста, прокатившиеся по всей стране. В Янгоне перед посольством Бангладеш состоялся двухтысячный митинг, участники которого требовали выдворить дипломатов миссии из Мьянмы. Однако официальный Нейпидо сохранил взвешенный внешнеполитический курс и доброжелательное отношение к России. На Генеральной ассамблее ООН 27 марта 2014 г. Мьянма не стала голосовать за антироссийскую резолюцию, а в числе 58 стран при голосовании воздержалась.

Между тем проблема рохинджа приобрела уже такие масштабы, что правительство Мьянмы объективно не способно с ней справиться. Государственная власть слаба, территория плохо контролируется, а в бюджете страны (одной из самых бедных в мире) нет денег на масштабные программы по социализации, интеграции и расселению рохинджа.

Маловероятно, что существенную помощь в решении этой проблемы окажут соседние страны. Для Бангладеш, Таиланда, Индонезии размещение рохинджа на своей территории — это не только нагрузка на бюджеты, но и угроза существующей социальной стабильности и распространение идей радикального ислама.

Международные организации и страны Запада выдвигают настойчивые требования предоставления рохинджа прав гражданства. Однако вряд ли руководство Мьянмы на это пойдёт. Слишком велики политические риски. В случае получения гражданства у рохинджа появится право устроить референдум и поднять вопрос о создании самостоятельного государства. Кроме того, будучи гражданами, они получат возможность беспрепятственного перемещения по стране, что неизбежно приведёт к радикализации традиционно умеренной мусульманской уммы в Мьянме. Учитывая негативное отношение к рохинджа буддийского большинства страны, можно прогнозировать, что, если правительство решится на такую непопулярную меру, это вызовет всплеск народного недовольства с непредсказуемыми последствиями.

Вероятно, для решения проблемы рохинджа требуется комплексный подход с участием Мьянмы, других стран региона и Запада, а также с долгими и затратными программами социальной адаптации беженцев в новом для них обществе. Хотя уже сейчас эффективность таких программ многими экспертами ставится под сомнение, а пути выхода из кризиса, предлагаемые международным сообществом (в частности, предоставление гражданства рохинджа), в нынешних политических реалиях Мьянмы слабо реализуемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ динамики развития этнотерриториальных коллизий в государствах Индокитая подводит к выводу, что силовое воздействие не способствует разрешению споров, а лишь обостряет их. Только в тех случаях, когда власти используют гибкие подходы, ищут компромиссные варианты и стараются создавать условия для снижения конфронтации, ситуация стабилизируется и открываются возможности для достижения согласия. Несмотря на это, правительства стран Индокитая на протяжении всей своей истории в основном делали ставку на силовые методы решения конфликтов, чем во многом объясняется столь длительная их неразрешённость.

На современном этапе развития региона имеют место различные типы этнотерриториальных конфликтов: от межгосударственных споров за конкретный участок приграничной территории до территориальных притязаний национальных меньшинств на отдельный район. Однако вне зависимости от того, к какому типу относится конфликт, его урегулирование лежит в зоне ответственности властей тех стран, на земле которых он разворачивается.

Помощь и поддержка внешних акторов, в т.ч. авторитетных международных организаций, в разрешении этнотерриториальных споров не всегда оказывается позитивной, поскольку внешние игроки имеют свои, часто довольно узкие, интересы. Нередко они безоговорочно поддерживают лишь одну сторону конфликта (например, в случае с беженцами рохинджа),

в то время как в любом споре у каждого есть своя доля правды. Это порождает у тех, кому особенно сочувствуют, ощущение вседозволенности и стойкую потребительскую позицию.

Международное вмешательство может быть действенным только в случае его посреднической миссии и при условии наличия доброй воли государства разрешить собственный конфликт, используя методы, основанные на международных нормах (ситуация с разбирательством в Международном суде ООН между Таиландом и Камбоджей). Но даже при посредничестве независимого наблюдателя окончательное урегулирование спора остаётся за конфликтующими сторонами.

В настоящее время серьёзную озабоченность вызывает угроза включения участников этнотерриториальных споров в международное террористическое движение. В XXI в. отмечается заметная радикализация конфликтов на юге Таиланда и на северо-западе Мьянмы. Философия ислама, заложенная в основу идеологии, создаёт благодатную почву для распространения среди протестующих радикальных исламистских настроений. Террористические акты, став основной формой борьбы за идею, заметно участились и перестали быть избирательными. Террористическая угроза, которую несут в себе современные этнотерриториальные споры в Индокитае, сегодня превратила их в фактор, угрожающий безопасности всего региона, и проблему международного масштаба, для решения которой требуются усилия всего мирового сообщества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Липилина И.Н. История исламского сепаратизма на Юге Таиланда // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 2. С. 45—52.
2. Симония А.А. Подготовка к предстоящим выборам в Мьянме: историческая перепись населения // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. Вып. 22. С. 67—81.
3. Стрелецкий В.Н. Этнотерриториальные конфликты в постсоветском пространстве. Сущность, генезис, типы: докл. в Московском центре Карнеги. 1996. 25 с.
4. Фомичёва Е.А. Активизация террористических выступлений на юге Таиланда: внутренние причины и факторы внешнего влияния // Юго-Восточная Азия. Материалы Международного конгресса востоковедов. Москва, 16—21 авг. 2004 г. М.: ИВ РАН, 2005. С. 261—271.
5. Case concerning the request for interpretation of the Judgment of 15 June 1962 in the case concerning the temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand). Response of the Kingdom of Cambodia. Vol. 2 (Annexes). 2012. 284 p. // WWW.ICJ-CIJ.ORG: официальный сайт Международного суда. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/151/17290.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
6. Cionari J.D. International decisions // WWW-PERSONAL.UMICH.EDU: сайт журнала The American Journal of International Law. Vol. 108. 2014. № 2. P. 288—295. URL: <http://www-personal.umich.edu/~johncior/files/ajil.pdf> (дата обращения: 13.02.2017).

7. Khan Z. A referendum in Rakhine State? // ARCHIVE.DHAKATRIBUNE.COM: сайт газеты Dhaka Tribune. 20.03.2014. URL: <http://archive.dhakatribune.com/op-ed/2014/mar/20/referendum-rakhine-state> (дата обращения: 20.02.2017).
8. Melvin N.L. Conflict in Southern Thailand. Islamism, violence and the state in the Patani Insurgency // BOOKS.SIPRI.ORG: библиотека Стокгольмского института исследования проблем мира. SIPRI policy Paper. 2007. № 20. 48 p. URL: <http://books.sipri.org/files/PP/SIPRIIPP20.pdf> (дата обращения: 20.02.2017).
9. Nyi Nyi Kyaw. No place at home for forgotten minority // NEWS.ASIAONE.COM: информационный портал Asia One. 25.02.2008. URL: <http://news.asiaone.com/News/The+Straits+Times/Story/A1Story20080225-51200.html> (дата обращения: 06.03.2017).
10. Request for interpretation of the Judgment of 15 June 1962 in the case concerning the temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand). Judgment. 2013. 81 p. // WWW.ICJ-CIJ.ORG: сайт International court of Justice. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/151/17704.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
11. Request for interpretation of the Judgment of 15 June 1962 in the case concerning the temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand). Summary of the Judgment. 2013. 14 p. // WWW.ICJ-CIJ.ORG: сайт International court of Justice. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/151/17716.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
12. Thanet Aphornsuvan. History and politics of the muslims in Thailand. Bangkok, 2003. 38 p. // SEAP.EINAUDI.CORNELL.EDU: страница Центра международных исследований Марио Эйнауди на сайте Корнеллского университета. URL: <https://seap.inaudi.cornell.edu/sites/seap/files/MuslimThailand.pdf> (дата обращения: 26.02.2017).
13. Treaty between France and Siam for the delimitation of the boundary between French and Siamese territory and for the establishment of a system of Jurisdictions. Bangkok, Siam, 30 March, 1905. 13 p. // IMAGES.LIBRARY.WISC.EDU: электронная библиотека Висконсинского университета в Мэдисоне. URL: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1905/reference/frus.frus1905.i0038.pdf> (дата обращения: 21.02.2017).
14. Zeng A'nan Judgment of the International Court of Justice: the end of the dispute regarding the Temple of Preah Vihear? // JTP.CNKI.NET: информационный портал Southeast Asian Studies. 2015. № 1. P. 4—10. URL: <http://jtp.cnki.net/bilingual/detail/html/DNY201501003> (дата обращения: 13.01.2017).
15. Wagener M. Lessons from Preah Vihear: Thailand, Cambodia, and the nature of low-intensity border conflicts // JOURNALS.SUB.UNI-HAMBURG.DE: страница отдела журналов сайта библиотеки Гамбургского университета. Journal of Current Southeast Asian Affairs. Vol. 30. 2011. № 3. P. 27—59. URL: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/viewFile/474/472> (дата обращения: 22.02.2017).

REFERENCES

1. Lipilina I.N. Istoriia islamskogo separatizma na juge Tailanda [A History of Muslim Separatism in the Thailand's Southern Provinces]. *Islam v sovremennom mire*. 2015, vol. 11, no. 2, pp. 45—52. (In Russ.)
2. Simonii A.A. Podgotovka k predstoiashchim vyboram v M'ianme: istoricheskai perepis' naseleniia [Myanmar: the nationwide census as preparation for general elections]. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*. 2014, no. 22, pp. 67—81. (In Russ.)

3. Streletskii V.N. *Etnoterritorial'nye konflikty v postsovetskom prostranstve. Sushchnost', genesis, tipy: dokl. v Moskovskom Tsentre Karnegi* [Ethno-territorial conflicts in the post-Soviet space. The essence, the genesis types: rep. the Carnegie Moscow Center]. 1996, 25 p. (In Russ.)
4. Fomicheva E.A. Aktivizatsiia terroristicheskikh vystuplenii na iuge Tailanda: vnutrennie prichiny i faktory vneshnego vliianiia [Spate of the terrorist activities in Southern Thailand: internal reason and external agencies]. *Iugo-Vostochnaia Aziia. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov. Moskva, 16—21 avgusta. 2004* [South-east Asia. Proceedings of the international congress of orientalists. Moscow. 2004. August 16—21]. Moscow, The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 261—271. (In Russ.)
5. *Case concerning the request for interpretation of the Judgment of 15 June 1962 in the case concerning the temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand). Response of the Kingdom of Cambodia*, vol. 2 (Annexes), 2012, 284 p. Available at: <http://www.icj-cij.org/docket/files/151/17290.pdf> (accessed 10.02.2017). (In Eng.)
6. Ciorciari J.D. International decisions. *The American Journal of International Law*, vol. 108, 2014, no. 2, pp. 288—295. Available at: <http://www-personal.umich.edu/~johncior/files/ajil.pdf> (accessed 13.02.2017). (In Eng.)
7. Khan Z. *A referendum in Rakhine State?* Available at: <http://archive.dhakatribune.com/op-ed/2014/mar/20/referendum-rakhine-state> (accessed 20.02.2017). (In Eng.)
8. Melvin N.L. Conflict in Southern Thailand. Islamism, violence and the state in the Patani Insurgency. *SIPRI Policy Paper*. 2007, no. 20, 48 p. URL: <http://books.sipri.org/files/PP/SIPRIPP20.pdf> (accessed 20.02.2017). (In Eng.)
9. Nyi Nyi Kyaw. *No place at home for forgotten minority*. Available at: <http://news.asiaone.com/News/The+Straits+Times/Story/A1Story20080225-51200.html> (accessed 06.03.2017). (In Eng.)
10. *Request for interpretation of the Judgment of 15 June 1962 in the case concerning the temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand). Judgment*. 2013, 81 p. Available at: <http://www.icj-cij.org/docket/files/151/17704.pdf> (accessed 10.02.2017). (In Eng.)
11. *Request for interpretation of the Judgment of 15 June 1962 in the case concerning the temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand). Summary of the Judgment*. 2013, 14p. Available at: <http://www.icj-cij.org/docket/files/151/17716.pdf> (accessed 10.02.2017). (In Eng.)
12. Thanet Aphornsuvan. *History and politics of the muslims in Thailand*. Bangkok, 2003. Available at: <https://seap.einaudi.cornell.edu/sites/seap/files/MuslimThailand.pdf> (accessed 26.02.2017). (In Eng.)
13. *Treaty between France and Siam for the delimitation of the boundary between French and Siamese territory and for the establishment of a system of Jurisdictions*. Bangkok, Siam. March 30, 1905, 13 p. Available at: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1905/reference/frus.frus1905.i0038.pdf> (accessed 21.02.2017). (In Eng.)
14. Zeng An'an. Judgment of the International Court of Justice: the end of the dispute regarding the Temple of Preah Vihear? *Southeast Asian Studies*. 2015, no. 1, pp. 4—10. Available at: <http://jtp.cnki.net/bilingual/detail/html/DNYY201501003> (accessed 13.01.2017). (In Eng.)
15. Wagener M. Lessons from Preah Vihear: Thailand, Cambodia, and the nature of low-intensity border conflicts. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, vol. 30, 2011, no. 3, pp. 27—59. Available at: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/viewFile/474/472> (accessed 22.02.2017). (In Eng.)